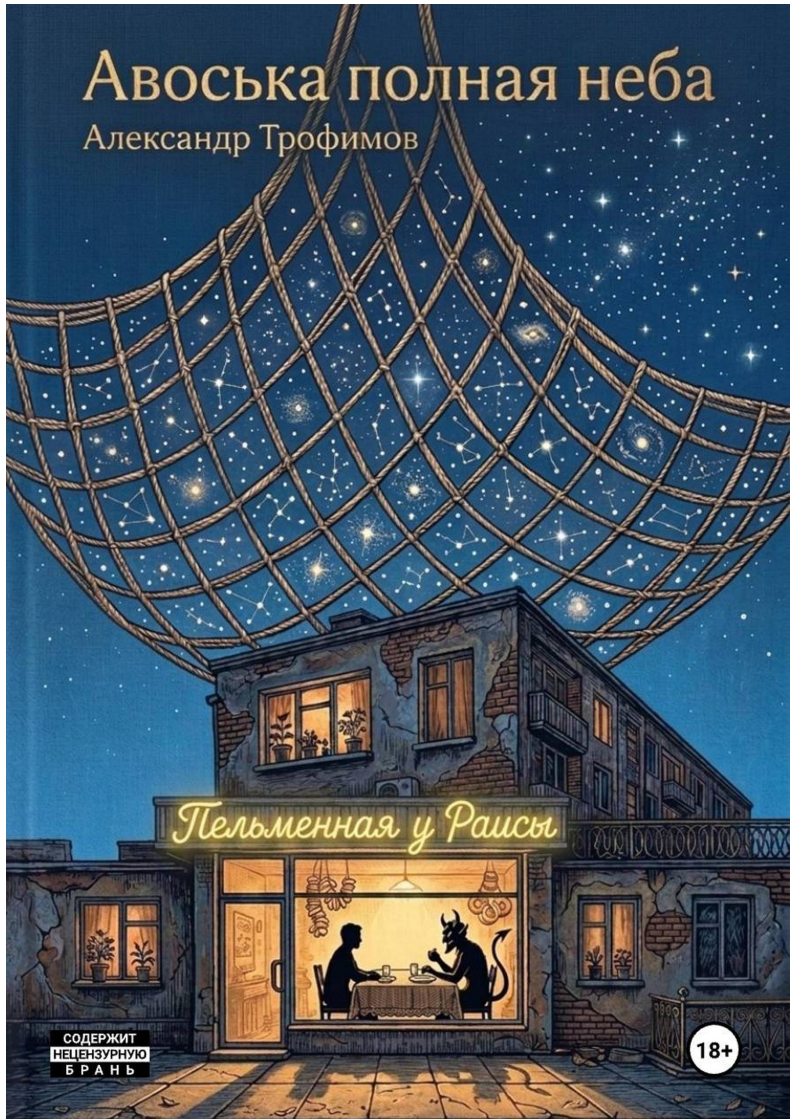

Авоська полная неба

Александр Трофимов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Трофимов

Авоська полная неба

<https://litres.ru/74144997>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы считаете себя центром вселенной, а всех остальных браком эволюции? Тогда вы идеальный кандидат для пересмотра.

Демон уже заполняет анкету.

Одна сделка. Девять тел. Девять попыток испытать то, что вы презирали.

Побочный эффект: вы рискуете навсегда забыть, кем были.

Вопрос не в том, изменитесь ли вы.

Вопрос в том, сможете ли вы вернуться.

Александр Трофимов

Авоська полная неба

АВОСЬКА ПОЛНАЯ НЕБА

*Повесть о демоне среднего звена
и несущих конструкциях мироздания*

«Ибо каждый из нас виноват перед всеми за всех и за всё».
Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»

«Ненависть - это не огонь. Ненависть - это ржавчина. Она не сжигает дотла. Она просто медленно, год за годом, превращает вашу блестящую, потенциально великую душу в труху, которая осыпается при каждом шаге. И в итоге вы остаётесь не пеплом, а просто грязным пятном на асфальте, которое дворник не глядя сметает в совок. Но знаете, что страшнее? Пятно было уверено, что оно - шедевр».

ГЛАВА 1

Ноябрьский дождь шёл не прекращаясь вторые сутки подряд.

Виктор Савельевич Лунев, сорокадвухлетний копирайтер из ООО «Словоблудие», автор непревзойдённых текстов

про ортопедические матрасы, бежал по тротуару, прижимая к груди портфель. Он бежал и ненавидел. Ненавидел слякоть. Ненавидел ветер. Ненавидел пешеходов, которые шли со скоростью геологических процессов. Ненавидел саму концепцию общественного тротуара, которую кто-то не удосужился оснастить полосой для обгона.

У входа в круглосуточную пельменную «У Раисы» возникла женщина. Лет шестидесяти, в старом, пахнущем нафталином пальто. В руке она сжимала авоську, из которой торчала горловина стеклянной банки с томатной пастой. Она шаркала, пытаясь стряхнуть с калош грязь, и делала это с такой монументальной медлительностью, будто считала, что у неё есть вечность. Спойлер: не было.

Виктор не успел затормозить. Врезался в неё плечом. Авоська качнулась. Капля с ее зонта шлёпнула на его рукав хорошего, итальянского и незаслуженно дорогого пальто.

- Куда прёшь, ведьма старая?! - рявкнул Виктор. - Глаза разуй, бля!

Женщина вздрогнула. Сжалась. Её водянистые глаза, полные бесконечного, привычного стыда мельком скользнули по Виктору и тут же спрятались. Она отступила в грязь, подальше от дверей, и что-то невнятно пробормотала.

«Вот же тварь вонючая, - думал он, стряхивая каплю, упавшую с ее зонта с таким лицом, будто на него попала соляная кислота и направляясь к кассе. - Ты же причина того, что человечество до сих пор не летает на Марс. Ты и твоя

томатная паста. Тянете всех нас на дно, сука. Будь я Богом, я бы устроил эволюционное голосование. Ты бы точно не прошла ценз».

Он фыркнул, толкнул дверь и шагнул в тепло.

Пельменная пахла уксусом, варёной капустой и безнадегой. За стойкой стоял мужик с лицом человека, который видел всё: и войны, и перестройку, и то, как кто-то в 2008-м попытался украсть солонку. Он молча принимал заказы и всем своим видом выражал усталость человека, который десять лет смотрит на одну и ту же стену и уже перестал ждать, что она заговорит.

Виктор взял кофе и сел в углу, где пластиковый стол был чуть менее липким, и продолжил свой внутренний монолог.

«Смотри на них, - думал он. - Этот парень в шапке-бу-дёнровке заказал пельмени с кетчупом и ест их пластиковой вилкой. Кто ты, кетчупный человек? Тысячи лет эволюции, огонь, колесо, полёт в космос, и ты стоишь тут и думаешь, какой соус лучше подчеркнёт вкус протухшего мяса. Bravo. Ты - статистическая единица. Говорящая. Но это не делает тебя умнее. Весь мир сделан из дешёвого пластика, неужели никто этого не замечает».

В этот момент напротив него без спроса сел мужчина. Он положил на соседний стул свой потёртый портфель, из которого достал папку с надписью: «Лунев В.С.» и посмотрел на Виктора.

- Вы не возражаете? – Он, чавкая, начал есть пельмени

пластиковой, одноразовой вилкой.

- Возражаю, - огрызнулся Виктор.

- Это хорошо, - кивнул незнакомец и с характерным звуком продул воздух сквозь зубы, будто выталкивая застрявшие крошки. - Если бы вы не возражали, я бы забеспокоился. Возражать - это ваш фирменный способ взаимодействия с реальностью.

Он надавил на пельмень вилкой. Вилка гнулась, но не ломалась. Она принимала самые фантастические формы - спираль, зигзаг, вопросительный знак, - но держалась.

- Обратите внимание. Казалось бы, хрупкий дешёвый пластик. Одноразовый. Но если знать, как давить - он не сломается. Он изменит форму.

- У вас талант портить столовые приборы, - сухо заметил Виктор. - Вы кто?

- Аз. Азазель Кротович. Демон среднего звена, отдел кармического аудита и экзистенциальных претензий. Я здесь, потому что вы, Виктор, создаёте такие лаги на районном кармическом поле, что у нас в серверной три раза вылетали пробки.

Он открыл портфель и вынул папку. Листы внутри были переливающимися, исписанными мелким почерком.

- Ваша карма. База данных, так сказать.

Виктор взглянул. Цифры были конкретными и от этого особенно неприятными.

«Злость на посторонних - 47 832 единицы». «Жалость

к себе - 312 000 единиц». «Моменты, когда вы кого-то пожалели искренне - 0 (ноль)». Последняя строчка: «Инцидент у двери (Зинаида П., авоська, томатная паста) - статус: Токсичный выброс».

- Что это бред, - прошептал Виктор. - Откуда вы знаете про женщину у входа?

- Вы про Зинаиду Павловну, - вздохнул Аз. - Пятьдесят восемь лет. Трое детей, один из которых сидит, второй не звонит, третья умерла три года назад. Муж бьёт. Артрит. Двести семьдесят два рубля в кошельке. Она сейчас стоит под дождём, потому что вы заняли своим величием весь дверной проём. Она боится зайти. Она думает, что она - мусор. Потому что вы ей это только что сказали.

Виктор открыл рот. Закрыв. Слова застряли.

- Я просто... я устал! - хрипло выдавил он.

- Закон сохранения экзистенциальной энергии. - Аз угрозил ему вилкой. - Всё, что вы излучаете, не уходит в пустоту. Оно оседает на других. - Аз смачно цыкнул, - Они чувствуют вашу злость, даже если вы не говорите ни слова. И они сгибаются под её тяжестью. Вы - токсичный выброс в атмосферу общего сознания. Причём выброс убеждённый, что он чище воздуха, в который выбрасывается.

- Зачем вы мне это говорите? - хрипло спросил он. - Чтобы я покаялся? Пошёл в церковь? Поставил свечку?

Аз рассмеялся. Смех был сухим, как шелест осенних листьев под колёсами катафалка.

- Церковь? М-м-м, Виктор, у нас с ними сложный договор о разграничении зон ответственности. Они работают с надеждой, мы же работаем с отчаянием. Нет. Я предлагаю вам нечто иное.

Аз вынул лист плотной желтоватой бумаги с красной печатью.

- Девять жизней, - сказал Аз, и его голос стал тише, но жёстче. - Девять людей, которых вы называли биомассой. Вы проживёте их изнутри. Почувствуете их боль. Их страх. Их радость - да, Виктор, у них тоже есть радость. Если после этого вы всё ещё скажете, что они биомасса и не почувствуете к ним ничего, кроме презрения...

- То отправлюсь прямо в ад? - перебил Виктор.

- Хуже, - Аз покачал головой. - Все условия подробно изложены в договоре.

- А если я пойму? Если я изменюсь? Стану Ангелом?

- Станете человеком, - просто сказал Аз. Ангелы это скучные бюрократы с крыльями.

Виктор посмотрел на договор. Внизу было написано: «Свидетелем с моей стороны выступает демон из отдела солипсизма».

Он хотел сказать, что это всё чушь. Что он не верит в эти сказки. Что он рациональный человек, кандидат философских наук (пусть и не защитивший диссертацию), и не собирается подписывать никакие бумаги с галлюцинацией в пельменной.

Но он посмотрел на Аза. Посмотрел в его тёмные, уставшие глаза, в которых отражалось три тысячи лет наблюдения за человеческой глупостью. И понял: это не галлюцинация. И, что самое страшное, он вдруг понял, что Аз говорит правду.

- А если я откажусь? - спросил Виктор.

- Тогда вы просто доживёте свою жизнь, - Аз пожал плечами. - Будете писать про матрасы. Состаритесь. Будете шаркать с авоськой. И какой-нибудь молодой, злобный копирайтер будет смотреть на вас и думать: «Вот же тормоз эволюции». Справедливо, не находите?

Он протянул руку и взял у Аза ручку. Ручка была дешёвая, пластиковая, с надписью Банк «Надёжный Выбор».

- Куда ставить галочку? - буркнул он.

- Не галочку. Подпись, - поправил Аз. - И пишите разборчиво. У нас в Аду проблемы с распознаванием рукописного текста после того, как мы перешли на облачные хранилища.

Виктор поставил витиеватую подпись. «В. Лунев».

Как только он оторвал ручку от бумаги, Аз щёлкнул пальцами. Сначала погас свет. Потом исчез звук.

Сноска от Азазеля Кротовича: Метеорологическая служба Чистилища специально разрабатывает ноябрьскую слякоть так, чтобы она проникала в ботинки именно в тот момент, когда человек начинает думать о бренности бытия. Это называется «эффект мокрого носка». Стои-

мость сеанса: один испорченный ноябрьский день.

Сноска от Автора: Банк «Надёжный Выбор» лопнул через три месяца. Ручки, впрочем, ещё долго встречались в самых неожиданных местах.

ГЛАВА 2

Зинаида

Виктор открыл глаза. Точнее, он осознал, что его глаза уже открыты, просто смотрят из другой точки пространства. Примерно на пятнадцать сантиметров ниже обычной. И первое, что зафиксировало его сознание, была боль.

Боль была разлита по всему телу, как плохой уксус по пустому желудку. Суставы ныли. Поясница пульсировала тупой тяжестью. Боль хронического износа, которая просто есть. Как атмосферное давление.

- Раз, раз, - раздался голос прямо за левым полушарием.
- Слышишь меня?

- Аз? - мысленно отозвался Виктор, пытаясь пошевелить рукой. Рука не послушалась. Вернее, она послушалась, но сделала это с таким скрипом и неохотой, будто Виктор управлял экскаватором с замерзшей гидравликой.

- Он самый. Добро пожаловать в симуляцию уровня «Социально уязвимый слой населения». Считай, что сижу у тебя на плече. Вестибулярный аппарат этого тела не обновлялся с семьдесят четвёртого года, так что постарайся не тошнить.

В руке была авоська. Сетчатая, синтетическая, с тридца-

тью годами терпения и несбывшихся надежд.

Вокруг была «Пятёрочка». Запах: смесь хлорки, дешёвой колбасы, прелого картона и чужого пота. Атмосфера: концентрированная человеческая усталость.

- Расслабься, - произнёс Аз. - Твой хост - Зинаида Павловна. Пятьдесят восемь лет. Трое детей (один сидит, один не звонит, одна умерла три года назад). Муж пьёт и иногда бьёт. Артрит. Ишемическая болезнь. Двести семьдесят два рубля в кошельке.

Виктор-Зинаида сжимала ручку тележки.

- Девушка, ну вы быстрее, - сказала она кассирше.

Кассирше было лет двадцать. Синие круги под глазами. Выражение лица: «я бы с удовольствием провалилась сквозь землю, но у меня сменный график».

- Не считывается код, ввожу вручную, - ответила кассирша, не поднимая глаз.

- Вы уже пять минут считываете! Там две пачки гречки и курица! Она, я надеюсь, не зелёная как в прошлый раз?

По всему телу Зинаиды разлилась горячая, липкая злоба. Виктор изнутри почувствовал её и ужаснулся. «Господи, да заткнись ты! Ты кого учишь считать? Она же просто девочка! Она, может быть, вчера экзамен сдавала, а ты ей тут про курицу!»

- Зинаида кричит не из-за курицы, - тихо сказал Аз. - Из-за тридцати лет бессилия. На мужа нельзя - может ударить. На директора - уволит. На дочь - та заблокирует, оборвётся

последняя ниточка. Эта обида, этот гной, копившийся годами, ищет выход. Находит его здесь. В безопасной мишени. В девочке, которая не может дать сдачи. Ты делаешь то же самое, Виктор. Разницы нет.

Виктора захлестнула волна физической боли - чужой, Зинаидиной. Ступни ныли так, будто в пятки вбили по ржавому гвоздю. Голова была зажата тисками. Она стояла здесь уже пятнадцать минут.

И тут в очереди кто-то заговорил. Громко. С тем ядом, который Виктор считал своим фирменным стилем.

- Ну что за тупые бараны! - услышала она знакомый голос.
- Бабка, шевелись давай!

Она обернулась. И увидела себя, то есть его. Настоящего Виктора, дорогое пальто, лицо человека, который уверен, что он лучше всех, а все остальные просто говно.

Зинаида смотрела на этого мужчину и почувствовала к нему ненависть, чистую, концентрированную.

- Забавный сюжетный поворот. Не находишь? Зеркало Ершалаима. Смотри на себя, Виктор. Смотри, как ты прекрасен в своём величии.

Но потом что-то переменялось. Странное, неожиданное. Зинаида вдруг увидела не врага, а несчастного человека. Просто очень несчастного человека, который придумал себе идею «я уникален» и теперь вынужден её поддерживать ценой постоянного одиночества.

- Простите, - вдруг сказала Зинаида кассирше. Голос её

дрогнул, стал тихим. - Я нервная сегодня. У меня муж... и спина. Прости меня, дочка.

Зинаида взяла сдачу, отошла к холодильнику. Помедлила у полки со сладким. Там лежали плитки шоколада за пятьдесят девять рублей. Она взяла плитку.

Вернулась к кассе. Положила шоколадку перед кассиршей.

- Это вам. - Повернулась и пошла к выходу.

У нее в кошельке оставалось... Ничего не оставалось у нее в кошельке. До зарплаты еще три дня.

Настоящий Виктор стоял у кассы, раздражённо бросал на ленту товары - какой-то кефир, йогурт. Он был сам не свой.

Кассирша удивлённо подняла глаза, но уже через мгновение была занята следующим покупателем.

На улице, под мелким дождём, Зинаида опустила на мокрую лавочку.

Виктор сидел внутри неё и не знал, кому принадлежат слёзы на морщинистых щеках. Ей или ему. Но знал, они настоящие.

Сноска от Азазеля Кротовича: Авоська - это не просто сумка. Это метафизический якорь. В авоську нельзя положить счастье, но в неё идеально входит капуста, дешёвая колбаса и ощущение собственной никчёмности. Вместимость бесконечная.

ГЛАВА 3

Петрович

Удар в реальность пришёл с грохотом, вибрацией и запахом дешёвого табака «Прима», влажной овчины и ароматизатора «Ёлочка», который давно вышел за пределы понятия «запах» и превратился в самостоятельную экзистенциальную угрозу.

Он сидел за рулём. Руки, покрытые пигментными пятнами и выступающими венами, сжимали вытертый до блеска руль. Позвоночник ныл. Стрелка спидометра замерла на отметке: сорок.

- Добро пожаловать в клуб автовладельцев, - раздался голос Аза. - Петрович. Семьдесят пять лет. Стаж вождения - пятьдесят два года. Лада «Приора». Цвет «Снежная королева», хотя сейчас это скорее «Грязевая вдова». Не трогай левую ногу, у него там ишиас, если дёрнешь, мы врежемся в отбойник и отправимся в отдел оформления внезапных смертей. А там сегодня некомплект и очереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.